

цессе взаимодействия согласование описаний мира обеспечивает онтологическую уверенность, компенсируя ужас перед небытием. Толерантность — это способность без особых проблем согласовывать различные описания мира, способность к порождению совместного с другими людьми смысла.

Понимаемая таким образом толерантность — это не моральный или религиозный принцип, не императив терпимости. Это умение говорить с другим человеком на его языке, опыт истолкования различных ситуаций, умение играть в различные социальные игры. С этой точки зрения, более толерантный человек практически владеет смыслами, не доступными менее толерантному. Поэтому он в большей мере готов к событиям, вызываемым действиями других, к тому, чтобы последующие события были выражены уже взаимодействием.

Г. В. Иванченко

Институт человека РАН,
г. Москва

ЭВОЛЮЦИОННЫЙ СМЫСЛ ТОЛЕРАНТНОСТИ В КУЛЬТУРЕ: ТЕОРЕТИКО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОДХОД

Задачи формирования и поддержания толерантных установок требуют учета социокультурных факторов и тенденций, противодействующих либо помогающих реализации толерантности как культурной нормы. Будучи источником противоречий и конфликтов, разнообразие и культурная гетерогенность одновременно являются условием выживания человечества, его единственно возможным «способом существования».

Процессы глобализации и детрадиционализации сделали социальную и культурную разнородность человеческих сообществ особенно ощутимой. Лишь один пример: в начале 1960-х гг. в мире было около 800–900 политически идентифицируемых этнических групп. Ныне их число возросло до 3000, проживают эти 3000 групп на территории 180 государств. К середине 1990-х гг. около 600 этнических групп декларировало

стремление к созданию автономий того или иного типа¹. Имеется немало работ как теоретического, так и практического плана, обосновывающих необходимость толерантности в условиях культурной гетерогенности². Однако установление связи между возрастанием культурного разнообразия³ и динамикой толерантности требует анализа культуры как системы.

Для описания системы из бесконечного разнообразия свойств и элементов среды требуется выделить такие, которые, будучи упорядочены определенным отношением, обеспечат наличие заранее заданных свойств у изучаемого системного объекта. Так, для культуры таким свойством может быть возможность накапливать, перерабатывать, хранить и передавать информацию из поколения в поколение. В последние годы в рамках системного подхода к культуре выполнено немало исследований, но о собственно системном подходе можно говорить лишь там, где реализуется «требование необходимости и достаточности какого-то конечного множества факторов, выделенных в соответствии с заданным системообразующим фактором»⁴.

Проблема системообразующих факторов особо нетривиальна и сложна, когда речь идет о системе культуры в целом. Какое системное качество обретают части культуры в своей совокупности? По мнению М. С. Кагана, системообразующую по

¹ См.: *Петренко В. Ф., Митина О. В., Бердников К. В. и др.* Психосемантический анализ этнических стереотипов: лики толерантности и нетерпимости. М., 2000. С. 40.

² См., например: *Перцев А. В.* Жизненная стратегия толерантности: проблема становления в России и на Западе. Екатеринбург, 2002; *Cox T., Blake S.* Managing cultural diversity: Implications for organizational competitiveness // *Academy of Management Executive*. 1991. Vol. 5. P. 45–56; *Ekennia J. N.* Committed dialogue as a response to pluralism // *Intern. philos. quart.* Bronx (N. Y.). 1996. Vol. 36, № 1. P. 86–95; *Godwin K., Kemerer F., Martinez V., Ruderman R.* Equity, diversity, and tolerance in education // *Social science quart.* Austin. 1998. Vol. 79, № 3. P. 548–553; *Weissberg R.* Political Tolerance: Balancing Community and Diversity. Thousand Oaks, CA, 1998.

³ См.: *Иванченко Г. В.* Принцип необходимого разнообразия в культуре и искусстве. Таганрог, 1999.

⁴ *Сагатовский В. Н.* Системная деятельность и ее философское осмысление // *Системные исследования: Методологические проблемы.* Ежегодник-1980. М., 1981. С. 236–254.

отношению к культуре закономерность возможно выявить через определение основополагающих функций культуры⁵. Ими являются две: обеспечение общества всем необходимым для его успешного противоборства с природой, для постоянного развития, повышения уровня его негэнтропии; повышение мобильности, динамичности, продуктивности внутренних механизмов общества, его самосовершенствование. Э. С. Маркарян говорит о комплексной адаптивно-негэнтропийной функции⁶. Ее реализация направлена и на функционирование, и на развитие системы культуры. Эффект же самосохранения системы достигается через упорядочение и самой системы, и взаимодействующих с ней сред.

Состояние сложных систем определяется информационным и ресурсным факторами. Чем сложнее становится в процессе своего развития общество, тем больше требуется информации для его нормального функционирования, для обеспечения устойчивости и возможности дальнейшего развития. С развитием информационного фактора, с повышением его роли степень разнообразия реакций системы также повышается.

Из роста информации и усложнения разнообразных связей, по мнению академика Н. Н. Моисеева, «следует и множество выводов чисто практического характера... от стихийной эволюции предстоит необходимый переход к планомерности... Но обеспечение гомеостазиса человечества, его совместного развития с остальной природой возможно далеко не единственным образом. Вот почему уместно говорить не только о множественности культур, но и о многообразии форм общественной организации в эпоху ноосферы. Многообразие и сложность — это важнейшие способы, «изобретенные» природой для сохранения стабильности тех или иных образований материального мира и земной жизни в частности»⁷.

Применительно к толерантности нетривиальными остаются

⁵ См.: Каган М. С. Человеческая деятельность: Опыт системного анализа. М., 1974.

⁶ См.: Маркарян Э. С. Теория культуры и современная наука: Логико-методологический анализ. М., 1983.

⁷ Моисеев Н. Н. Оправдание единства: Комментарии к учению о ноосфере // Вопросы философии. 1988. № 4. С. 26–27.

ся вопросы: что именно в философских, психологических, социологических исследованиях относится, скажем, к «толерантности вообще», а что является специфичным для локальных культур; что выступает основным источником многообразия одновременно сосуществующих форм толерантности; как возникшие в процессе культурной дифференциации формы толерантного поведения закрепляются в символическом плане и т. п.

Тот факт, что в одних и тех же социальных и культурных стратах могут быть представлены несколько моделей должной или желательной толерантности, заставляет исследователей пытаться более строго определить само понятие толерантности. Например, в работе Дж. Экенниа толерантность и взаимное уважение (реализующиеся в диалогическом общении) противопоставляются плюрализму, зачастую вырождающемуся в бесконечные дебаты и столкновения⁸. А. Е. Зимбули, дифференцируя внутренние различия видов толерантности, связывает их с субъективной мотивацией, с формой выражения и с объективным результатом⁹. Некоторые попытки определения толерантности идут от противоположного: через анализ интолерантности, при этом автор исходит из предположения, что понятия греха и зла более детализированы в сознании человека, чем понятие добра¹⁰. Поэтому интолерантность — установка, возникающая по меньшей мере столь же часто, как и толерантность.

Логично попытаться связать уровень толерантности социума с наличием либо отсутствием кризиса. Ю. А. Шрейдер формулировал как «закон Лотмана» положение о том, что в кризисные периоды определенные пласты культуры подвергаются давлению, снижающему их естественное разнообразие за счет исчезновения «крайних элементов», резко отличающихся от

⁸ См.: *Ekennia J. N.* Committed dialogue as a response to pluralism // Intern. philos. quart. Bronx (N. Y.). 1996. Vol. 36, № 1. P. 86–95.

⁹ См.: *Зимбули А. Е.* Почему терпимость и какая терпимость? // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 6: Философия, политология, социология, психология, право. СПб., 1996. Вып. 3. С. 22–27.

¹⁰ См.: *Drabarek A.* O nietolerancji // *Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Sect. I: Philosophia-sociologia.* Lublin, 1994. Vol. 19. S. 67–77.

¹¹ См.: *Шрейдер Ю. А.* Закон Лотмана в культурологии // Информационное общество: культурологические аспекты и проблемы: Тез. докл. Междунар. науч. конф. Краснодар, 1997. С. 29–30.

среднего уровня¹¹. Если рассматривать общественное сознание как «банк» возможных (ин)толерантных установок, разнообразие их в периоды кризиса тоже, вероятно, снижается. Естественно возникает вопрос: исчезают ли при этом отдельные виды толерантности или происходит общее снижение уровня толерантности?

Скорее всего, сам по себе кризис (или совокупность кризисов) еще не определяет рост или подавление толерантных установок. Так, в своем анализе общества постмодерна Э. Гидденс связывает психологическую уязвимость «я» современного человека — парадоксальным образом — с онтологической безопасностью, точнее, с ее оборотной стороной — «обреченностью» индивида на непрерывные выборы тех или иных систем экспертного знания, необходимых в отсутствие опоры вовне в виде веры, авторитета, традиции. Экзистенциальная тревога, пишет Гидденс, становится устойчивым фоном жизнедеятельности индивида¹².

Что же лучше помогает справиться с этой тревогой — толерантность или интолерантность? Как толерантные, так и интолерантные социальные действия, вероятно, будут обеспечивать некоторое минимально приемлемое снижение тревоги. Предельная толерантность обеспечит принятие всего, что бы ни происходило; на другом полюсе оказывается тотальное неприятие всего, хоть на йоту отличающегося от «должного», т. е. предельная интолерантность. Более комфортная в психологическом плане позиция, однако, не означает того, что в континууме толерантности/интолерантности задачам социальной адаптации лучше будут служить «крайние» варианты толерантных установок, а не «золотая середина», некая оптимальная степень толерантности.

Анализ имеющихся социально-психологических исследований толерантности показывает, что преимущественно ставится задача не оптимизации степени толерантности, а ее повышения, вследствие того что уровень толерантности практически каждой социальной группы ниже требуемого в современных условиях. И это при том, что толерантность индивидов полезна, выгодна группам, в которые они включены. Так,

¹² См.: Giddens A. *The Consequences of Modernity*. Stanford, 1990.

Т. Коксом и С. Блэйком приводятся результаты исследований, подтверждающих большую успешность организаций, команда которых гетерогенна по различным признакам. Опыт учета разнообразия, «лабиринта» и «совладания» с внутренней гетерогенностью позволяет организации успешней реагировать на изменения в среде. Толерантность оказывается способностью «управления разнообразием», важнейшей предпосылкой нахождения решений в сложных проблемных ситуациях, более разумного рассмотрения и формулирования альтернатив¹³.

Анализ толерантности как культурной нормы, причин ее устойчивости и изменений (своего рода «императивная» и «факультативная» компоненты толерантности) позволит более строго определить используемые порой метафорически понятия толерантности симметричной и асимметричной, конгруэнтной и некогруэнтной, устойчивой (как личностная черта) и ситуативной и т. п. В этом аспекте анализа толерантность предстает как проявление адаптивности, степени пластичности предлагаемых культурой и субкультурами когнитивных схем восприятия других индивидов, их взглядов и действий. Эвристичным представляется понятие социальной идентификации личности, с широтой которого многие исследователи связывают уровень толерантности субъекта. Так, Н. М. Лебедевой приводятся данные зарубежных психологов, согласно которым наличие у членов некоторой группы положительной групповой идентификации и уверенность в ней служат основой этнической толерантности¹⁴.

Пределы вариативности, социотипичность толерантности определяются процессами социализации, инкультурации, групповой идентификации. В значительной степени сходство индивидуальностей в рамках локальных культур психологами и этнографами объясняется сходством опыта первых лет жизни, закладывающего основу «базовой личности». Сама внутренняя структура культурного поля выступает как фактор порождения и ограничения вариативности в том плане, что в любой культу-

¹³ См.: *Cox T., Blake S. Managing cultural diversity: Implications for organizational competitiveness.* P. 45–56.

¹⁴ См.: *Лебедева Н. М. Психологическая природа этнической интолерантности // Динамика социально-психологических явлений в изменяющемся обществе.* М., 1996. С. 131–135.

ре есть ядро — сравнительно жестко структурированная иерархия норм, ценностей, смыслов, механизмов социализации и инкультурации, и есть относительно аморфная периферия¹⁵.

С динамикой отношений «центр — периферия» связаны энтропийные явления в культуре и социуме. Энтропийные процессы способствуют постепенному «размыванию» ценностно-смыслового ядра культуры, что нарушает сбалансированность и эффективность системы социального регулирования. При этом происходит понижение уровня системно-иерархической структурированности, сложности и полифункциональности социокультурных систем и подсистем.

Применительно к толерантности данное положение можно проиллюстрировать следующим примером. В исследовании «Советский простой человек» социологи задавали вопрос: что следует делать с девиантами — проститутками, гомосексуалистами, наркоманами, больными СПИДом, бродягами и бомжами, алкоголиками, рокерами, детьми, родившимися неполноценными, и членами религиозных сект? Предлагалось четыре варианта ответов: ликвидировать, изолировать от общества, оказывать помощь или предоставить самим себе¹⁶. В целом за десятилетие с конца 80-х до конца 90-х произошло определенное смягчение отношения практически по всем группам девиантов. Единственным исключением служит отношение к сектантам, заметно ужесточившееся за последние годы.

Неясно, однако, что именно означают такие сдвиги в массовых установках: распространение более гуманных и цивилизованных критериев толерантности или рост безразличия к нравственным нормам (и к людям), сопутствующий ситуации ценностного распада и кризиса¹⁷. Первый вариант свидетельствует в пользу усложнения и совершенствования регулирования социума, второй вариант означает преобладание энтропийных процессов при аномии.

На наш взгляд, теоретико-информационный подход к фе-

¹⁵ См.: *Лотман Ю. М.* Культура и взрыв. М., 1992.

¹⁶ См.: *Левада Ю.* Человек недовольный: протест и терпение // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены (Russ. publ. opinion monitor). М., 1999. № 6. С. 7–13.

¹⁷ См.: Там же. С. 40.

номену толерантного сознания позволяет делать обоснованные предположения о пределах вариативности толерантности в социуме, а также о тенденциях в эволюции форм толерантного сознания.

Основой для построения непротиворечивой теории, объясняющей и прогнозирующей свойства и поведение таких систем, может быть только информационный подход, поскольку именно информация является универсальной категорией для описания всех систем и явлений. Математический аппарат этого подхода — теория информации — формировался с середины XX в. Существенный вклад в формирование этой теории внесли Хартли, Н. Винер, В. А. Котельников, У. Р. Эшби, А. Н. Колмогоров. В рамках данного подхода получены основополагающие структурные закономерности для социально-культурной сферы — такие, как закон Ципфа, законы циклического социально-экономического развития. Кроме того, выведены наиболее существенные закономерности структурной организации и функционирования систем самого разного уровня на базе принципа оптимальности¹⁸.

В естественных науках определяющую роль для развития теории имеют так называемые вариационные принципы, задающие критерии и ограничения протекания процессов. Таким основополагающим принципом в приложениях теории информации является принцип максимума информации, сформулированный Г. А. Голицыным и В. М. Петровым. Суть его в том, что в эволюционирующих системах развитие предполагает увеличение объема воспринимаемой информации и потока информации. Этот принцип реализуется на всех стадиях эволюции сложных самоорганизующихся систем: так, для простейших биологических объектов — это усложнение генома и тем самым увеличение наследственной информации в развитии рецепторов и нервной системы живых существ¹⁹.

¹⁸ См.: *Маслов С. Ю.* Асимметрия познавательных механизмов и ее следствия // *Семиотика и информатика.* 1983. № 20. С. 3–34; *Голицын Г. А., Петров В. М.* Информация — поведение — творчество. М., 1991; *Голицын Г. А.* Информация и творчество. М., 1997; подробнее см.: *Иванченко Г. В.* Принцип необходимого разнообразия в культуре и искусстве.

¹⁹ См.: *Голицын Г. А., Петров В. М.* Информация — поведение — творчество.

Применительно к психологическим закономерностям принцип максимума информации формулируется следующим образом: «если количество получаемой информации зависит от некоторого параметра X , то субъект стремится выбрать такое значение этого параметра, которое максимизирует информацию»²⁰. Путь усложнения, повышения самосогласованности и устойчивости социума в его микро- и макроизмерениях предполагает оптимизацию межличностных отношений; в этом плане толерантное отношение, проявляемое в толерантном поведении, позволяет максимизировать те прямые и обратные связи, которые возможно получить в ходе общения.

Другой теоретико-информационный принцип, принцип необходимого многообразия (разнообразия), связан с именем одного из основателей кибернетики как метанауки — У. Р. Эшби²¹. Этот принцип был сформулирован применительно к системам управления и состоит в том, что для эффективного управления многообразие управляющей системы должно быть не меньше многообразия управляемого объекта.

Но сущность принципа необходимого многообразия У. Эшби шире — она в необходимости информационного соответствия любых систем, обменивающихся информацией. То есть объемы информации в единицу времени (пропускная способность, информационная производительность) источника сообщения, канала связи и приемника сообщения должны быть согласованы между собой. Принцип необходимого разнообразия налагает ограничения информационного плана на процесс передачи информации: должны быть учтены характеристики управляемой, преобразуемой системы, и в первую очередь ее разнообразие (или сложность).

Информация, по Эшби — логарифмическая мера разнообразия множества. Эшби рассматривает кодирование как отображение множеств. При этом разнообразие одного множества переводится в разнообразие другого множества, более удобного для передачи, хранения или преобразования информации. В то

²⁰ Голицын Г. А. Роль априорной информации в творческом процессе // Психология творчества: общая, дифференциальная, прикладная / Отв. ред. Я. А. Пономарев. М., 1990. С. 104.

²¹ См.: Ashby W. R. An Introduction to Cybernetics. L., 1956.

же время человеческое восприятие, различные языки, различные виды искусства в принципе не допускают взаимно-однозначного отображения (изоморфизма), поэтому в явлениях культуры разнообразие и, следовательно, количество информации не сохраняется. Но этот эффект компенсируется добавлением новой информации за счет тезауруса воспринимающего субъекта, за счет сотворчества при восприятии произведений искусства.

Информационное содержание имеет также известный принцип естественного отбора. Невозможно приспособление к среде без отражения ее разнообразия, что требует определенного развития рецепторов и нервной системы организма. А закрепление соответствующих свойств популяции в геноме требует определенного объема его памяти, поэтому в ходе эволюции увеличивается длина спирали ДНК при переходе на последующие ступени. Согласно принципу Эшби, динамическая устойчивость и эволюционный потенциал систем любой природы пропорциональны внутреннему разнообразию.

Исследуя динамику организационных связей с позиций системного подхода, Е. А. Седов показал, что рост разнообразия на высших организационных уровнях обеспечивается ограничением разнообразия на предыдущих уровнях и наоборот — рост разнообразия на низшем уровне влечет за собой разрушение высших уровней. Так, рост разнообразия эвкарриотных организмов потребовал строгого ограничения форм метаболизма по сравнению с прокариотами; разнообразие осмысленных высказываний обеспечено ограничением возможностей сочетания слов, слогов, букв, фонем в языке²². По мнению А. П. Назаретяна, закон иерархических компенсаций (закон Седова) решающим образом дополняет принцип необходимого разнообразия, сформулированный Эшби, и «продуктивно завершает многовековой спор философов, социологов, этиков (начиная, как минимум, с Анаксагора и Эмпедокла) о том, сопряжено ли поступательное развитие с ростом, или, напротив, с ограничением разнообразия»²³.

²² См.: Седов Е. А. Информационно-энтропийные свойства социальных систем // *Общественные науки и современность*. 1993. № 5. С. 92–100.

²³ Назаретян А. П. Синергетика в гуманитарном знании: предварительные итоги // *Общественные науки и современность*. 1997. № 2. С. 91–98.

Попробуем рассмотреть с этой точки зрения трансформации уровня толерантности общества. С одной стороны, имеется несомненный рост многообразия внутри социума, развивается дифференциация социальных связей, изменяются «политики гетерогенности» и «политики идентичности»²⁴. С другой стороны, общество, очевидно, не заинтересовано в существовании крайних форм толерантности (в первую очередь, конечно, крайней интолерантности, но не только). Относительная предсказуемость поведения, имеющая своей основой малое разнообразие степени толерантности установок, — вот ближайший практический результат внедрения различного рода программ формирования толерантности в педагогические практики. Ближайший, но не единственный, так как следующий виток развития многообразия социума может вызвать к жизни совсем иные естественные процессы и социальные заказы.

Б. В. Рейфман

Глазовский филиал Ижевского государственного
технического университета,
г. Глазов

АВТОРСКОЕ КИНО И «ТОЛЕРАНТНОЕ ОБЩЕСТВО» (проект социокультурной связи)

Мифология толерантности — множество не делимых друг от друга и оттого тождественных друг другу действительных установок, в которых «я» и «не я» подразумеваются *равно ориентированными* на «не я» как на изначально и императивно «другого» и даже «чужого», но не чуждого, а обладающего привлекательной единственной и неповторимо-неуловимой, т. е. необъективируемой, инаковостью. Это тот «чужой», который не «свой» в том смысле, что мир каждого человека глубже, уникальнее и невыразимее, чем то, что идентифицируется «я» в «не

²⁴ См.: Трубина Е. Г. Рассказанное Я: проблема персональной идентичности в философии современности. Екатеринбург, 1995; Керимов Т. Х. Социальная гетерология. Екатеринбург, 1999.